

Вл. Рубин

Джентльмены с отравленными стрелами

Осенью 1953 года в Лондоне начал выходить новый журнал «Энкаунтер». Название журнала имеет двойной смысл: оно обозначает «встреча» и вместе с тем «схватка», «стычка». Естественно, что читатели стали задавать себе вопрос: каково же будет направление нового журнала, каков истинный смысл его названия.

Журнал печатается в английской типографии и издается английским издательством. Но на титульном листе, кроме названия издательства, имеется еще одна «фирма», находящаяся в Париже на бульваре Османа. Известно, что эта организация, именуемая себя «Конгрессом свободы культуры», финансируется из США.

Возникает вопрос, почему этот журнал, явно американского происхождения, понадобилось издавать в Лондоне, зачем потребовалась ему английская «оболочка»?

Многое станет ясным, если вспомнить о серьезных неудачах американской пропаганды в странах, оказавшихся объектами американского «экспорта культуры». Несмотря на крупные денежные ассигнования, на широкое использование органами американской пропаганды прессы, радио, кино, антиамериканские настроения в этих странах за последние годы резко усилились.

Американская пресса должна была признать, что многие книги о войне в Корее, «комиксы» и многие голливудские фильмы вызвали к себе явно неприязненное отношение западноевропейской интеллигенции. Когда к тому же обнаружилось, что в кругах интеллигенции растет число сторонников мира, и стало очевидным, что попытки различных реакционных проамериканских органи-

заций, вроде упомянутого «Конгресса свободы культуры», помешать этому потерпели неудачу, решено было пустить в ход новые приемы и средства, более искусные и тонкие, нежели топорная, неуклюжая работа первых послевоенных лет. В этом одно из объяснений того факта, что в Западной Европе, как по команде, стали появляться «литературно-политические» издания, якобы призванные отображать культурную жизнь той или иной страны и освещать в соответствии с запросами ее «интеллектуальных кругов» проблемы мировой культуры. Так возник журнал «Прев» во Франции, в Западном Берлине печатается «Дер Монат», а в Лондоне появился ежемесячник «Энкаунтер». Все это рупоры американской пропаганды, но каждый из них в большей или меньшей степени пытается замаскировать свое истинное назначение. Двадцать номеров «Энкаунтера» содержат множество примеров такого рода.

Уже сам состав редакции призван, по видимому, символизировать англо-американское «единство». «Энкаунтер» выходит под редакцией англичанина Стивена Спендера и американца Ирвинга Кристола. Поэт Стивен Спендер пользуется довольно большой известностью в литературном мире Англии. В молодости он в своих стихах писал с горячей симпатией о борьбе народа Испании, свидетелем которой он был. В дальнейшем, однако, Спендер отказался от былых увлечений, порвал с прогрессивными кругами, а после нескольких поездок в США стал рьяно выступать со статьями и заявлениями в стиле официальной американской пропаганды. В отличие от Спендера имя Кристола мало кому известно.

Однако он занимает в «Энкаунтере» положение главного «политика» и «теоретика», предоставляя Спендеру роль эксперта по вопросам поэзии. Но как бы то ни было, наличие английского «соредактора» создает бесспорное удобство для американского эмиссара в журнале.

Журнал применяет самые разнообразные уловки для того, чтобы его приверженность к американской политике не сразу бросалась в глаза. Восхваление иногда облекается в форму порицания. Учитывая настроения читателей, журнал не прочь порой даже пофрондировать. Так, на его страницах иногда осуждаются отдельные «крайности» — скажем, действия иных слишком рьяных последователей Маккарти, да и самого Маккарти, компрометирующего, дескать, своими эксцессами «борьбу с коммунизмом». Журнал отнюдь не считает нужным расхваливать «комиксы», и даже своей апологии гангстерских фильмов придает, как мы увидим далее, сугубо «интеллектуальное» обличье. Но, критикуя в каких-то частностях американские нравы, журнал внушает своим читателям, что все равно нет иного выхода, кроме признания роли США как защитника западного мира от... грозящей ему опасности с Востока. А посему, мол, всякие мелкие ошибки и расчеты лучше воспринимать как неизбежность и «меньшее зло».

Наконец следует указать, что проповедующие вражду и ненависть статьи «Энкаунтер», так сказать, «разбавляет» множеством гораздо более невинных произведений разных жанров. Расчет простой: атрибуты литературного издания, предназначенного для широких слоев интеллигенции, должны помочь журналу сохранить некоторую видимость приличия. Так, рядом с рассказом американской писательницы Мак Карти «Моя исповедь», открыто проповедующим ренегатство, помещен вполне безобидный рассказ английского литератора «Моя собака Тюльпан» — об умной собаке и чуткой женщине-ветеринаре, способный очаровать не одну сентиментальную леди, завязкую посетительницу собраний общества защиты животных. Рядом со статьями, полными грубых нападок на писателей стран демократического лагеря, журнал публикует новые переводы басен Лафонтена, очерк о любовной теме в индийской лирике, воспоминания недавно умершего талантливого

поэта Дайлана Томаса. С интересом будет прочитана всеми увлекающимися техникой статья о машинах-автоматах. Любителей же таинственного, вероятно, привлечет рассказ Кристофера Сайкса о том, как в конце войны он, будучи на военной службе, разыскивал по поручению своего начальства группу английских военнослужащих. Узнав, что они были замучены в одном из гитлеровских концлагерей, он приезжает с подробными сведениями к своему начальнику, но тот, оказывается, обо всем уже осведомлен, так сказать, из первоисточника. Дело в том, что начальник, увлекавшийся спиритизмом, непосредственно связался... с духом одного из погибших офицеров, и тот дал ему соответствующую информацию, которая была тут же включена в официальный документ. Напечатав этот рассказ, редакция, можно сказать, убила двух зайцев. Во-первых, пусть кто-нибудь попробует упрекнуть ее в том, что она замолчала зверства гитлеровцев. А, во-вторых, поклонникам спиритизма преподнесено занимательное чтение.

И еще один любопытный штрих: «Энкаунтер», систематически распространяющий черную клевету о Советском Союзе и советской культуре, счел нужным в дни, когда в Англии с большим успехом был возобновлен показ «Броненосца Потемкина», дать фильму хвалебную оценку (хотя с рядом оговорок). «Смотрите, и мы способны быть объективными», — словно говорили господа из «Энкаунтера», рассчитывая повлиять на тех своих подписчиков и читателей, которые пресытились бесконечной бранью.

Однако, как ни пытается журнал создать о себе впечатление издания «разностороннего» и способного к трезвым суждениям, как ни старается продемонстрировать свою озабоченность судьбами культуры, это ему плохо удается. Слишком уж недвусмысленна ориентация, приданная журналу подвизающимися в нем реакционными литераторами. В их статьях, рецензиях, «письмах» грубо искажается внешняя и внутренняя политика стран демократического лагеря, фальсифицируются история и деятельность коммунистических партий и в то же время активно пропагандируется политика империалистических кругов США. Всякого рода крупные и мелкие «эксперты» по советским проблемам, всевозможные литературные неудачники, выступаю-

щие в качестве авторов сенсационных мемуаров и пикантных разоблачений, входят в редакции «Энкаунтера» дружеский прием.

Не удивительно, что уже вскоре после выхода первого номера «Энкаунтера» лондонская «Таймс» — издание, которое едва ли кто-нибудь заподозрит в левых взглядах, — опубликовала в своем литературном приложении статью, отмечавшую, что «наиболее выраженной чертой» нового журнала является «ненависть к коммунизму и страх перед ним».

Обоснованность этой оценки признал один из редакторов журнала — Кристол; оговорившись в своем ответе, что он не предлагает объявить войну СССР и Китаю (у него хватило благоразумия понять, что сие от него не зависит), он тут же попытался запугать читателей, заявив, что «коммунизм вскоре может расширить свое господство», и попутно выразил свое негодование по поводу того, что «среди западной интеллигенции считается признаком нечистой совести выступать против коммунизма» — признание весьма характерное.

Борьбу с такого рода «заблуждениями» и провозгласил «Энкаунтер» главной своей задачей, во имя которой он публикует из номера в номер традиционный набор «аргументов», почерпнутых из различных грязных источников, вплоть до геббельсовского ведомства. Между прочим, журнал прилагает особые усилия, чтобы создать у читателей превратное представление о советской литературе.

Рассуждения печатающихся в журнале «специалистов» по советской литературе отличаются своей категоричностью и предвзятостью. Излюбленный тезис всех этих «экспертов» по литературе, сводящийся к утверждению об отсутствии у советских писателей свободы творчества, столь же мало оригинален, как и заключения «экспертов» по политике и экономике Советского Союза. Но в отдельных частностях знатоки из «Энкаунтера» способны и на оригинальные «открытия». Так, из одной статьи мы узнаем о наличии в советской литературе «тенденции к эскепизму» (т. е. бегству от действительности), причем наиболее ярким примером этой тенденции оказывается... роман «Далеко от Москвы», причисленный к жанру «экзотической литературы».

Вообще, когда авторы «Энкаунтера» говорят о советской литературе или о литературе стран народной демократии, им на каждом шагу мерещатся всякие ужасы. Невольно вспоминается рассказ Эдгара По, герой которого увидел в окне необычное, страшного вида чудовище. Это была бабочка, но на нее смотрели под особым углом. «Энкаунтер» явно стремится вызвать у читателей такое искусственное извращение зрения, которое мешало бы видеть вещи в их подлинном свете.

Произвольность суждений журнала по вопросам литературы можно проиллюстрировать характерным примером. Журнал печатает статью «Литературный климат во Франции», автор которой Эрик де Мони (один из сотрудников Британской радиовещательной корпорации), рассуждая о французской литературной жизни последних лет, как бы мимоходом роняет такое замечание о двух влияниях на французскую литературу: это, мол, влияние американское, принесшее с собой «...новую и грубую прямоту выражений, повидимому, отлично приспособленную для передачи суровой, хаотической послевоенной жизни», и влияние «...физического присутствия немецких войск во Франции». «При этом, — пишет автор, грубо оскорбляя французских патриотов, — нельзя игнорировать элемент соучастия [?! — В. Р.] между охотником и тем, на кого охотятся...» Увлечшись этими двумя «влияниями», де Мони, естественно, не находит ни времени, ни места даже для беглого упоминания о книгах французских писателей, которые правдиво отражали эпопею патриотического сопротивления французов в годы оккупации и самоотверженную борьбу народа Франции в послевоенные годы.

В качестве характерных образцов современной французской литературы автор приводит романы Маргарит Дюра и Жана Корделье, содержание которых говорит само за себя: первый из них — это «история богатой женщины, рыскающей на своей яхте по всему свету в поисках некоего моряка из Гибралтара, одного из ее любовников, которого никто не может ей заменить». Второй представляет собой «сексуальную одиссею французского военного врача в Германии военных лет». Эти две скверные книги выделены автором, по его словам, для того, чтобы продемонстрировать, «какие бурные и смутные течения

получили наибольшее распространение во французской литературе со времени войны». Автор навязывает читателям свою концепцию литературной жизни во Франции, расходящуюся с действительным положением вещей.

В еще большей мере подобные тенденции проявляются при освещении проблем литературы и искусства Америки. Ирвинг Кристол, выступая с рецензией на роман американского писателя Сола Беллоу «Оджи Марч», не скупится на похвалы по адресу этой книги, запечатлевшей удачу и просчеты проходимца и авантюриста из Чикаго, живущего на средства своих любовниц. В этом нет, пожалуй, ничего удивительного: каждый хвалит то, что ему по душе. Но примечательно другое: Оджи Марча журнал старается выдать чуть ли не за положительного героя нашего времени, за «простого человека». Автор статьи пишет: «В Оджи Марче... мы видим простого, обычного человека в качестве необычного героя».

Другой американский литератор Роберт Уоршоу публикует в «Энкаунтере» статью об американских фильмах под названием «Джентльмен с оружием». Если в предыдущем случае мы наблюдали попытку «приукрасить» героя, хотя и не идеального, но, во всяком случае, старающегося обделывать свои делишки, не прибегая к пистолету, то здесь мы имеем дело уже с прямой идеализацией гангстера, почтительно именуемого «джентльменом с оружием». («Gentleman with a gun»).

Американские гангстерские фильмы снижали себе во всем мире определенную, отнюдь не лестную репутацию. Журнал старается оспорить ее, убеждая читателя видеть в этих фильмах не то, что очевидно простому смертному, а некий второй план и возвышенный смысл, доступный истинным знатокам. Предоставим слово автору статьи: «Самыми удачными созданиями американского кино являются гангстеры и герои фильмов о диком Западе: люди с оружием...» Далее журнал разъясняет читателям, что же являются собой в действительности гангстерские фильмы, да и сами изображаемые в них гангстеры, на которых возвели столько напраслины: «Гангстерский фильм, не существующий больше в своей классической форме,— это повествование о предприимчивости и успехе, кончающемся стремительным крахом».

Мы узнаем далее, что своеобразной чертой гангстера является... «не прекращающаяся нервная активность». Правда, он «лишен культуры и хороших манер», но зато «он грациозен и, подобно танцовщику, движется по городу, где на каждом шагу его подстерегает опасность».

Наконец нам преподносится последнее откровение: «гангстер одинок и полон меланхолии, и создается впечатление, что ему присуща глубокая житейская мудрость». Его одиночество и меланхолия объясняются тем, что «он поставил себя в такое положение, когда каждый хочет его убить».

Нетрудно заметить, что журнал особенно заботится о репутации американских книг, американских фильмов, вообще всего американского, точнее говоря, всего того в американской литературе и искусстве, в политической и общественной жизни США, что соответствует критериям «Энкаунтера». Все же подлинно прогрессивное в американской действительности либо замалчивается журналом, либо подвергается осуждению. И не только в современной американской жизни, но и в прошлом американской культуры — в ее традициях. Характерный пример — статья об Уитмене, написанная одним из постоянных авторов «Энкаунтера» — американским литератором Лесли Фидлером. Рекордная по своей бесцеремонности, грубому и развязному тону, статья эта пытается развенчать Уитмена как поэта и очернить его как человека. Особенно ненавистны автору статьи свободололюбивые и жизнеутверждающие мотивы уитменовской поэзии. Он обвиняет Уитмена во всех смертных грехах, называет его неискренним, лицемерным поэтом, «выдумавшим самого себя», «торгующим этим вымышленным образом» и прочее. «Нам не по себе в эти дни с Уитменом», — признается Фидлер. Его грубые, циничные нападки лишней раз свидетельствуют о том, что поэт не сошел со сцены, как пытается доказать «Энкаунтер», а, словно живой и опасный противник, пугает тех, у кого «Листья травы» и через сто лет после написания вызывают приступы ярости. И не случайно совпадение, что тот же Фидлер, глумящийся над памятью Уитмена, выступает в «Энкаунтере» как ярый обличитель антиамериканских настроений западно-европейской интеллигенции, не желающей безропотно примириться с американским

«экспортом культуры», той культуры, которая отвергает Уитмена, но поднимает на щит фильмы об «одиноких и полных меланхолии гангстерах».

Эту статью Фидлер, по его словам, написал под свежим впечатлением от поездки в Италию, где он столкнулся с антиамериканскими настроениями многих представителей интеллигенции.

Такие настроения, по мнению Фидлера, характерны и для других стран Западной Европы. «Антиамериканизм многих представителей европейской интеллигенции,— пишет он,— достиг сейчас такой стадии, когда он становится почти невосприимчивым к фактам... С американским интеллигентом, с писателем, путешествующим за границей... считаются лишь, если он соглашается осуждать свою страну. Замечание о грубости Маккарти считается вполне приемлемым. Но благожелательное высказывание о структуре нашего суда... вызывает неприязненную улыбку... Недоброжелательное слово о стиле Теодора Драйзера или о критических статьях Матиссена* ведет к тому, что на вас наклеивают ярлык апологета...»

Фидлер пишет, будто европейские интеллигенты «обо всех наших недостатках узнали от нас самих... от таких американских романистов прошлого и нынешнего века... как Мельвил, Готорн, Драйзер, Шервуд Андерсен, Уильям Фолкнер». Доводы Фидлера не новы. Еще несколько лет назад американский журнал «Сатердей ревью» также обрушился на ряд произведений американской литературы 20-х и 30-х годов, написанных в духе критического реализма, возлагая на их авторов вину за «создание искаженного представления об Америке у читателя в самих США и за их пределами».

И Фидлер и авторы статей в «Сатердей ревью» хорошо знают, что антиамериканские настроения в Западной Европе порождаются и питаются не столько литературными образами Бэббита или Элмера Гентри, сколько вполне реальными персонажами и вполне реальными фактами современной действительности.

Это вынужден был признать в письме, опубликованном в «Энкаунтере», как отклик на статью Фидлера, не кто иной, как

Пристли. Он предупреждает, что с симпатией прочитал эту статью, но не вполне с ней согласен. «М-р Фидлер,— пишет Пристли,— должен понять горькое отчаяние людей, чувствующих, что само их существование поставлено под угрозу, видящих, что полки книжных магазинов в их стране завалены заграничными выпусками американских массовых изданий, сцены их театров и экраны кино заполняются голливудской ерундой, и с ужасом ожидающих появления новых чудищ — инспирированных американцами программ телевидения. Бдумчивые люди меньше всего на свете хотели бы видеть такое общество, которое создали бы по своему образу и подобию американские бизнесмены!»

Хотя Пристли выражает недовольство главным образом массовыми формами культурного экспорта, не касаясь его содержания, и, кроме того, обеспокоен коммерческой конкуренцией американцев, тем не менее даже по этому письму можно судить о распространенности явления, которое Фидлер именует ростом антиамериканских настроений.

Показателен и другой отклик недавно вернувшегося из США англичанина Дерекка Пэтмора. Он находит «горькие комментарии» Фидлера весьма своевременными и предлагает спасительный рецепт: приглашать в американское посольство писателей, людей искусства и приобретать таким образом их симпатии. «Вспомните,— аргументирует Пэтмор,— как был доволен Вольтер, когда его приглашали в Версаль».

Определил Пэтмор и назначение англичан: состоять при американских туристах в качестве адъютантов для особых поручений по вопросам культуры. «Подобно тому, как и в прошлом греки помогали римлянам в области искусства и культуры, так, мне кажется, мы, англичане, должны помогать нашим американским родичам».

Очевидно, отдавая себе отчет, что подобные средства мало действенны, «Энкаунтер» поместил в ноябре 1954 года большую, так сказать, программную статью под ширококвещательным заглавием «Америка — совесть или щит», автора которой П. Уорстхорна редакция аттестует как «английского журналиста... проживавшего долгое время в США».

Эта статья должна была явиться «тяжелой артиллерией». Автор с немалой самоуверенностью взялся за рассмотрение чуть

* Американский ученый, покончивший самоубийством из-за преследований реакции.

ли не всех вопросов, связанных с отношениями между США и остальным миром, и, судя по всему, считает свои доводы неотразимыми. Обращена его статья, прежде всего, к интеллигенции Западной Европы. Начав с упреков по адресу Диккенса и других писателей, повинных в высмеивании американских нравов и обычаев, Уорстхорн переходит к проблемам наших дней и формулирует свой главный аргумент: «После второй мировой войны Соединенные Штаты стали щитом Европы, перестав быть ее совестью» (?!).

Функции щита, естественно, имеют свои особенности. Они требуют от Америки политики «стратегического колониализма», создания морских и воздушных баз, и все это, разумеется, ради предотвращения «коммунистической угрозы». В этих условиях, конечно, не приходится требовать особой щепетильности в выборе людей и средств; происходят, может быть, не очень приятные, но неотвратимые, по мнению Уорстхорна, вещи: «возросло влияние военной идеологии», разжигается «националистическая истерия». Короче говоря, за «крепость щита» приходится расплачиваться «моральными ценностями». «Поэтому, — продолжает Уорстхорн, — исключительно важно, чтобы представители общественного мнения в Европе постарались понять, какие трудные обязательства возлагает на США их новое положение в мире».

Уорстхорна тревожит резкий контраст между тем представлением, которое существовало в Соединенных Штатах, и теми реальными фактами, о которых изо дня в день сообщает европейская пресса. Ведь, по мнению Уорстхорна, именно этот контраст больше всего порождает антиамериканизм. Он предостерегает: «Допустить, чтобы продолжался этот процесс [т. е. рост антиамериканских настроений. — В. Р.], значило бы не только подорвать моральное влияние Америки, но и серьезно ослабить ее материальную силу. Разочарование в американских ценностях — вот ахиллесова пята военного союза».

Безапелляционным тоном говорят на страницах «Энкаунтера». Этот тон усвоен авторами журнала так основательно, что, даже рассуждая о вещах «нейтральных», т. е. не касаясь ни США, ни Советского Союза, ни коммунизма, они по привычке изрекают открываемые ими истины тоном, не допускающим возражения.

Так, корреспондент журнала Джордж Майкс, «несравненный Майкс», как его называют на страницах «Энкаунтера», в письме из Норвегии возвещает: «Здоровая взаимная неприязнь — признак глубокой внутренней гармонии. Каждый человек и каждая нация испытывают потребность выпустить заряд ненависти... Норвежцы не любят друг друга как личности, а шведов как нацию — и счастливы...»

С такой же безоговорочностью авторы «Энкаунтера» сбрасывают со счетов не только отдельные нации, но и части света. Так, например, на страницах журнала берется под сомнение... существование Азии. Франсуа Бонди (редактор издаваемого в Париже реакционного журнала «Прев») так и озаглавил свою статью в «Энкаунтере»: «Азия — существует ли она?» После путешествия по Южной и Восточной Азии г-н Бонди, по его словам, пришел к выводу, что «та часть света, которая известна под названием Азии, не существует в действительности, поскольку это географическое, а не реальное культурное понятие... Самое понятие «Азия» — это порождение западного ума...»

К этому категорическому выводу автора привели, по его словам, беседы с некоторыми индийскими и японскими писателями, которые якобы ничего не знают друг о друге, и единственной общей темой их разговора могло быть лишь творчество западных писателей: Мальро, Камю, Оруэлла и Хемингуэя. Другое обоснование своего взгляда он нашел в Таиланде, где некий местный принц «предпочитает записывать фольклор своей страны на английском и французском языках, поскольку ему легче иметь дело с западными языками». Иной, может быть, увидел бы в этом лишь частный факт биографии снительного фольклориста, но для автора из «Энкаунтера» это достаточный повод, чтобы высказать уверенность в «нереальности» существования Азии и «закрывать» эту часть света.

* * *

Остается сказать несколько слов о том, как определяет «Энкаунтер» роль интеллигенции, деятелей культуры, их место в современном обществе, как расценивает он перспективы развития культуры. «Теоретикам» журнала будущее интеллигенции и ее настоящее представляются крайне мрач-

ными. Ее положение итальянский реакционный писатель И. Силоне определяет как проживание в «лагере для беженцев на ничьей земле». Спендер в статье, красноречиво озаглавленной «В клетке», заявляет, что «поэтам их современники индустриального века кажутся трупами или призраками...» Цитируемый Спендером английский писатель Уиндхэм Льюис жалуется: «Мы катимся вниз по наклонной плоскости...»

Взгляд «теоретиков» обращается вспять, в прошлое. «Негативный взгляд на современную жизнь дополняется позитивным восприятием прошлого», — подчеркивает Спендер.

Но и прошлое имеет немало «опасных» страниц. И в истории господ из «Энкаунтера» видят врага: ведь «масса» может истолковать ее страницы по-своему. В одной из передовых журнала Ирвинг Кристал, явно перешеголяв своего коллегу, «закрывшего» Азию, предлагает не более не менее как «закрывать историю». «Разве не было бы разумной идеей, — восклицает он, — воздвигнуть забор вокруг наук, не предназначенных для непосвященных? Разве нельзя предоставить изучение истории немногим избранным?» Страх перед прошлым, страх перед настоящим и особенно перед будущим — «вот смысл философии всей». Из номера в номер сгущается атмосфера страха, звучит проповедь пессимизма, и в конечном итоге у читателей, не вооруженных ясным пониманием исторического процесса, рождается фаталистическое чувство безысходности. А подобная атмосфера парализует волю к действию и, разумеется, может лишь благоприятствовать планам поджигателей войны.

Своих запуганных читателей Спендер призывает, по сути, к тому же, к чему призывал один американский «деятель» — укрыться в убежище и молиться. «Вера ставит человека в центр поэзии», — заявляет Спендер. Началом же, враждебным поэзии, провозглашается, разумеется, материализм.

Любопытно, что «Энкаунтер» поместил сочувственный отзыв на книгу некоего профессора, прожившего несколько лет в Японии, где он «приобщился к мистике

буддизма» и с религиозной целью «изучал искусство владеть луком».

Но, как показывает все содержание «Энкаунтера», его редакторы и сотрудники тяготеют к более современному оружию. Сами же они пока что если и довольствуются стрелами, то по преимуществу отравленными. И если пользоваться терминологией самого журнала, почтительно именуемого американского гангстера «джентльменом с оружием», то их самих читателей, не нарушая этикета, вправе назвать «джентльменами с отравленными стрелами».

Кстати говоря, эти джентльмены отлично знают, кому они служат. Более чем символический смысл приобретает помещенная в журнале статья «В защиту большого бизнеса», автор которой Питер Уайльс пытается представить властителей капиталистической экономики мирными и безобидными людьми. «Бизнесмены, — пишет он, — отнюдь не все агрессивны и, безусловно, многие из них проникаются желанием отказаться от работ и забот, как только обеспечено их личное существование».

Журнал расписывает достоинства и заслуги «большого бизнеса», и иной читатель задумается, пожалуй, о мотивах, побуждающих редакторов «Энкаунтера» так часто и обильно проливать крокодиловы слезы об участии культуры в странах демократического лагеря. Недаром Спендер, выступая в американской прессе, жалуется на тех своих соотечественников, которые считают, что журнал, издающийся на американские деньги, обязательно должен «представлять собой американскую пропаганду». Повидимому, подлинный смысл названия «Энкаунтер» постепенно расширяется даже многими из тех, кто полагал, что журнал станет местом встреч и общения писателей. Судя по всему, выполнять свою «миссию» журналу не так-то легко. Помешать стремлению честных людей к миру, пожалуй, труднее, чем наложить вето на изучение истории или похотью объявить несуществующей какую-либо часть света.